

НАРКОПРАГМАТИКА. Как получается так, что наркоман становится личным врагом полиции и государства?

В гостях у **НАРКОПРАГМАТИКИ** правозащитник *Роман Хабаров*. По словам адвоката Михаила Голиченко, который сам - бывший полицейский, а ныне адвокат, Роман Хабаров - бывший милиционер, достойный того, чтобы носить это звание гордо, поскольку отстаивает необходимость работы полиции и правоохранительных органов, исходя из принципа служения народу и обществу.

Борьба с наркотиками: либо наказывать, либо использовать

Насколько борьба с наркотиками в полиции играет важную роль в определении полицейского менталитета, взгляда на жизнь, работы с людьми?

«Есть сотрудники, которые сами употребляют и не считают, что это каким-то образом затрагивает их моральный облик как полицейских. Но в целом в полиции абсолютное неприятие наркотиков. Если представить, что какой-нибудь сотрудник связан с употреблением и, не дай Бог, торговлей наркотиками, а другой взяточник или пытается задержанных, то второй и третий в целом по милицейско-полицейской морали принимаются как свои. По менталитету среднего полицейского наркотики абсолютно неприемлемы. Крайняя степень падения полицейского, если он связался с наркотой. Преобладающие отношение: нет наркотикам, с ними надо максимально бороться, сажать на долго, предпринимать как можно более строгие меры, никакой лояльности, никаких скидок. Полицейский знает, что от наркотиков огромное количество зла, горя в глобальном смысле и непосредственно касающегося полицейских. Все мечтают о работе, чтобы ничего не делать, а каждый наркоман¹, каждый наркопритон, каждая история с наркотиками — это проблемы для тех, кто в полиции с этим сталкивается», — делится своими наблюдениями правозащитник Роман Хабаров.

Есть и другая сторона – полицейским очень легко «расколоть» людей, употребляющих наркотики. Посадив такого человека на сутки за мелкое хулиганство, даже без всяких пыток, физического насилия можно добиться любого ответа, так как он будет страдать от синдрома отмены. С этой точки зрения отношение полицейского потребительское. По словам бывшего милиционера, все, кто связан с наркотиками, понимают, что удобнее для выполнения показателей иметь точку, которая торгует, и там арестовывать потребителей, покупателей, чем накрывать её саму

¹ Мы в своей речи предпочитаем говорить - люди, употребляющие наркотики, или люди, имеющие опыт жизни с зависимостью. Но в этом интервью наш гость пользуется лексикой полицейских и судей, и переформулировать этот текст в менее стигматизирующий нам не представляется возможным.

Полицейские – первая заградительная линия и навязанный образ спасителя

Насколько справедливым является суждение о том, что полиция действует с одной стороны условно максимально запретительно, а с другой стороны довольно потребительски по отношению к людям, употребляющим наркотики? Ведь полицейские — это люди, которые являются первой заградительной линией, на них возложена самая основная задача ежедневного реагирования на проблемы, связанные с наркотиками.

«Куда приходят родители? В полицию. Куда приходят разгневанные граждане, которые видят шприцы у себя в подъезде? В полицию. Куда жалуются люди, у которых в подъезде варочная квартира? Тоже в полицию обращаются. И получается так, что у полицейского никаких инструментов нет. Полицейский же тоже человек, и от него ждут какого-то реагирования. А какое может быть реагирование? Жёсткое. Чем жестче, тем значит более ответственная позиция. По сути, это единственный человек, который может в данной ситуации как-то проявить государственный ответ», – продолжает мысль адвокат Михаил Голиченко.

Роман Хабаров говорит, что единственный, кто ещё имеет к этой теме отношение, это медики. Во-первых, наркодиспансеры. «Но если говорить про потребление, то осмысленно рычагами снабжены только полицейские и больше фактически никто. Поскольку это было большей частью возложено на «земных» милиционеров, полицейских, то подход такой - чем строже с этим будет законодательно, тем меньше у меня будет с этим проблем. Поэтому давайте максимально запретительные меры. За сбыт наркотиков сроки больше, чем за убийство. И сроки предельно жёсткие. Вся правоохранительная система Российской Федерации заточена на максимально жёсткие, репрессивные меры воздействия на потребителей наркотиков. Но личная, внутренняя реакция – эмоциональная, не холодная и не отстраненная, которая есть у полицейских, безусловно связана именно с тем, что они лично сталкиваются с наркотиками профессионально».

Михаил Голиченко рассказывает про лекции для группы судей, руководителей, председателей районных судов по наркотикам, где он участвовал в качестве представителя управления ООН по наркотикам и преступности. «К моему удивлению, председатели районных судов вполне были открыты для новых идей, рассуждали о том, что в России могло бы работать, а что нет. Была адекватная дискуссия. Но что меня действительно удивило, это то, что многие сказали «я лучше дам реальный срок человеку, который второй или третий раз подвергается уголовной ответственности, потому что реальный срок, возможно, спасёт ему жизнь, даст шанс не сделать себе ещё хуже, испортить жизнь». Такой «спаситель в судейской мантии». И от полицейских в принципе слышно похожее, особенно аллегория «выдернуть тонущего человека за волосы» или «вор должен сидеть в тюрьме», по выражению всеми любимого персонажа Глеба Жиглова. Полицейский спасает общество от воров, наркоманов.

<https://harmreductioneurasia.org/ru>

info@harmreductioneurasia.org

Евразийская ассоциация снижения вреда

Адрес: проспект Гедимина 45-4, 01109,

Вильнюс, Литва

Тел.: +370 68887975

Код регистрации: 304470687

@EHRAssociation

@EHRA2017

Система, которая ломает идейных: вписывайся или уходи

Часто полицейский готов взять на себя риск нарушения закона, потому что за ним моральная правота. Как рождается такое восприятие или склад мыслей, ведь ни в одном учебном заведении МВД, даже в специальных школах такому, безусловно, не учат?

«Всё это впитывается в зависимости от того, куда и кто попал. Например, молодой опер, пришедший в уголовный розыск и попав в кабинет, где при нём надевают задержанным противогаз на голову или динамо-машину подключают, сначала может быть шокирован этим. И у него в этот момент есть выбор. Это касается не только пыток, это касается всего, что связано с коррупцией, фальсификацией доказательств, фабрикациями и «созданием уголовного дела». У молодого сотрудника всего два варианта: или начать участвовать в этом, или уходить. А какие у него внутренние стержни и рычаги сопротивляться, сказать «я так делать не буду»? Я видел единичные случаи в инспекции по делам несовершеннолетних, когда пришедшие на работу девочки сначала были в шоке от того, как средний полицейский общается с детьми. Я слышал: «Как вы можете кричать на ребёнка! Это же ребёнок!» Проходило полгода, и она уже сама пинки раздавала. Смысл в том, что они усваивают такой способ и метод обращения с людьми как единственно возможный. Это способ адаптироваться в коллективе. Начинаешь делать так, как и другие. Возможно, ты личность свою каким-то образом сохранишь, но сотрудником, полицейским ты будешь таким, какие там все», - делится грустным опытом Роман Хабаров.

К сожалению, отношение, что наркоманы – крайняя степень негативной оценки, укоренено не только среди сотрудников правозащитной системы, но и среди общего населения в стране. Полицейский испытывает классовую ненависть к наркоману не просто лично, он опирается в этом смысле на народ. Большинство людей предпочитают закрывать глаза и не видеть проблему. Если посмотреть, что происходит, то многие возмутятся: «Подождите, я за такое не голосовал. Если бы мне сказали, как это будет. Это всё-таки слишком». К пыткам у общества сейчас уже сформировалось непримиримое отношение. Раньше ведь задавались вопросом - пытали за дело? И рассуждали, «подумаешь, убийцу или наркомана где-то стукнули не так». Сейчас люди не готовы это поддерживать. А на проблему гуманного отношения к людям, употребляющим наркотики еще закрывают глаза. «Как вы там боретесь с наркотиками? Ой, я не хочу знать, но наркоманов надо построже».

«Все эти факторы влияют на менталитет только что пришедшего в полицию молодого сотрудника. Что ему остаётся? Как он может не стать тем, кто подкидывает, подкладывает, пытается, фабрикует? У него правота моральная внутри и снаружи. И нет ничего и никого, кто его бы останавливало. Есть только один выход – если личное внутреннее убеждение отличается, он разворачивается и уходит», – убеждён Роман Хабаров.

Когда обращение с наркозависимым человеком может стать пыткой?

«Как на твой взгляд относятся в обществе в целом и особенно в полицейской культуре к содержанию наркозависимого человека в камере для административно задержанных в течение нескольких часов, а потом к его допросу в состоянии, когда у него явно синдром отмены? Насколько это полицейским воспринимается как жестокое обращение, как пытка?» – интересуется адвокат Михаил Голиченко.

Роман Хабаров уверен, что средний полицейский даже не поймет, если ему сказать, что это пытка. «Подождите, какая это пытка? Он же сам кололся. Что мне ему «ширнуться» дать? Как мне прекратить его пытку? Только одним способом - дать ему наркотик. А это незаконно. Вы что, меня толкаете на нарушение закона?» Разумеется, в голову ему не приходит, что человеку в таком состоянии нужно вызывать медицинскую помощь. Когда у человека синдром отмены, медики знают, что колоть. Бригада приезжает снаряжённая соответствующим медикаментами. Но какой после этого с ним будет разговор? Полицейский такие страдания, пытку абстиненцией, синдром отмены наркозависимого не считает пыткой. Способ вырывания человека из криминала, который практикуется в Европе и США, используя метадоновую терапию, у нас считается методом потакания наркоманам. Это же наркоман. Если ему давать наркотики, он все равно будет продолжать колоться. А что он перестанет, во-первых, воровать, чтобы получать деньги на дозу, полицейскому объяснить очень трудно».

Пагубная связь полиции и врачей

Адвокат Михаил Голиченко обращает своё внимание на ещё один аспект: на отношение полиции и врачей. «Мы часто слышим, что полицейский в какой-то степени имеет продолжение себя в медицинской сфере — это нарколог. Нарколог — это в какой-то степени продолжение репрессивной машины государства. Даже в документах есть пункт, говорящий, что для профилактики преступности есть смысл проверять подучётных лиц. Тех, кто на учёте как склонные к совершению преступления. Но вот есть ещё наркоучёт у врачей. Насколько люди, которые стоят на наркоучёте, профилактруются полицейскими? И вообще это эффективно или нет?»

Роман Хабаров подтверждает, что была такая практика – массовая отработка наркозависимых, стоящих на учёте. В наркодиспансере запрашивались сведения обо всех лицах, стоящих на учёте. Из них выбирались те, по которым зафиксировано, что они употребляют наркотики внутривенно. «То есть те самые наркоманы, с которыми очень замечательно легко общаться. Приходят к нему домой, смотрят, что он уже под своим «градусом», и забирают. В идеале, конечно, взять их в состоянии наркотического опьянения и оформить за нахождение в таком виде или употребление и свозить в суд, получить административный арест, и тогда он смело уже в руках полицейских. Я ни разу не столкнулся с тем, чтобы наркодиспансер отказал в предоставлении таких списков. Какая врачебная тайна?!»

Достаточно человеку обратиться за медпомощью, и он уже будет в радиусе, в сфере внимания полиции. Все, кто попал в сферу внимания государства, в том числе медицины, потенциально для государства являются преступниками. Как только человек встал на учёт и его поймали с наркотиками, у него нет шансов доказать, что ему их подкинули.

«Ну товарищ, ты же употреблял. У тебя нашли шприц с раствором. Что ты нам рассказываешь, что это не твоё. А чье? Что, полицейские тебе это принесли? А тогда что же ты употреблял раньше? Всё. Это логика, которая внутри любого человека на улице, судьи, прокурора, полицейского - кого угодно. Уголовная история останется навсегда. Как говорит любой опер, бывших наркоманов не бывает», - рассказывает бывший милиционер.

По мнению Романа Хабарова, в такой ситуации очень ясно, что надо делать с медициной - строго наказывать за нарушение врачебной тайны. Такие запросы должны подаваться только через суд. Нигде не написано, что о виновных, осуждённых можно разглашать медицинскую тайну.

«Это тот случай, когда нужно администрирование, моделирование государством. Но для этого государство должно сказать, что наркоман не враг государству. То есть человек, употребляющий наркотики – не враг. Это человек, у которого проблемы и болезнь, а полицейскими методами болезни не лечатся», – завершает разговор правозащитник Роман Хабаров.

Слушайте этот разговор правозащитников и бывших милиционером в полном объеме в подкасте [НАРКОПРАГМАТИКА: Как получается так, что наркоман становится личным врагом полиции и государства?](#)

